

- I am proud who I am.
 - And who are you?
 - I am a Librarian!

The Mummy

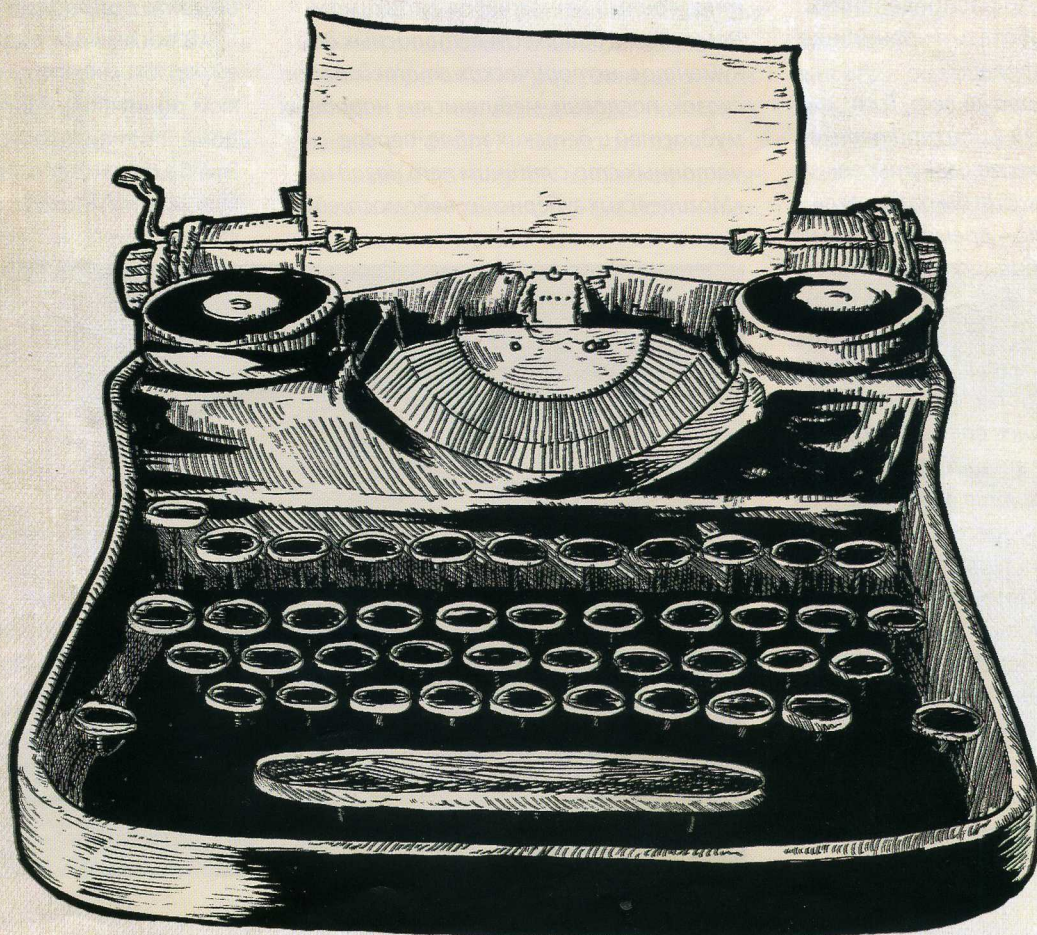
БИБЛИОТЕКАРЬ

НА ТИТУЛЕ, КАК ВИДИМ, РАСПОЛОЖЕНЫ НЕКИЕ БУКВЫ. ОНИ НИЧЕМ НЕ ОТЛИЧАЮТСЯ ОТ ТЕХ, ЧТО ЗНАЧАТСЯ НА КОРЕШКАХ КНИГ: ТОЧНО ТАК ЖЕ НЕ ОПРЕДЕЛЯЮТ И НЕ ПРЕДВЕЩАЮТ ТОГО, ЧТО СКАЖУТ СТРАНИЦЫ. ПОКА ИЗВЕСТНО ТОЛЬКО, ЧТО ГЕРОЙ ЭТОЙ ИСТОРИИ – БИБЛИОТЕКАРЬ. ОН НЕ ПРОЧЕЛ ЕЩЕ КНИГУ, СОДЕРЖАЩУЮ КРАТКОЕ ИЗЛОЖЕНИЕ ВСЕХ ПРОЧИХ КНИГ, ХОТЯ ПО ВСЕЛЕННОЙ (НЕКОТОРЫЕ НАЗЫВАЮТ ЕЕ БИБЛИОТЕКОЙ) ПУТЕШЕСТВУЕТ НЕМАЛО.

Текст: Светлана Денисова

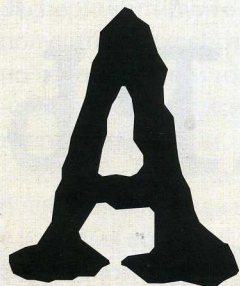
P. S. Искателям плагиата для облегчения их труда сообщаем: статья «Библиотекарь» содержит фразы из фильма «Библиотекарь», а также строчки из творения бессмертного Хорхе Луиса Борхеса о Библиотеке – таинственной и нетленной.

P. P. S. Герой не исполняет здесь роль Библиотекаря, а таковым является. Автор на роль Борхеса не претендует.

ЭТО СОЧИНЕНИЕ СУЩЕСТВОВАЛО ЕЩЕ ДО ЕГО НАПИСАНИЯ. ГДЕ БЫ ВЫ ЕГО СЕЙЧАС НИ ЧИТАЛИ: В ТАКСИ, НА ДИВАНЕ ИЛИ В ПАРКЕ, — ОНО ЗАНИМАЕТ СТРАНИЦЫ ОДНОГО ИЗДАНИЯ, НАХОДЯЩЕГОСЯ НА ОДНОЙ ИЗ ПОЛОК В ОДНОМ ИЗ ЗАЛОВ, РАСПОЛОЖЕННЫХ...

А пусть так: ...расположенных на одном из 23 этажей известнейшего ромбокубооктаэдра. Но даже уверенность в том, что все уже написано, не способна уничтожить привычку писать, не правда ли? Свидетельством тому — история.

Ее героя зовут Дмитрий Давидовский. Он — Библиотекарь. Его единственное место работы на протяжении жизни — «Националка». Она сама его выбрала.

Дмитрий Давидовский.
Библиотекарь

ИЗБРАННЫЙ БИБЛИОТЕКОЙ

— Библиотекарем был когда-то мой дед. В детстве он страдал от сколиоза и поэтому вырос горбатым. Когда его репрессировали (об этом факте я узнал довольно поздно), то в ссылке ничего другого ему не оставалось делать, как только работать библиотекарем. Ну а я в 1976 году поступил на библиотечный факультет в Институт культуры, и когда в 1980 году его окончил, пошел по распределению в «Ленинку» — работать в хранилище белорусского отдела.

С тех пор прошло 36 лет. Три полных малых круга или три пятые части великого круга известного календаря, как сказал бы создатель сиквела. И все это — время работы не просто в одной библиотеке, а даже в одном отделе — в зале белорусской литературы.

Здесь хранятся книги второй половины XIX века. Более ранние (и на первый взгляд более впечатляющие — старопечатные фолианты и манускрипты) — достояние других фондов. Но полагать, что здесь меньше флера, — неправильно. Потому что... Потому что Библиотека существует вечно и является творением самого Бога, и даже сам Бог есть книга, в которой есть все: от автобиографий архангелов до рецептов снадобий для полетов во сне и подробностей твоего, читатель, будущего.

О чем ты хотел бы узнать в следующую минуту?..

О ЧЕМ ХОДЯТ ЛЕГЕНДЫ

— Однажды к нам в отдел принесли заявку, в которой написано: «Романов Е. Рукопись XVI века». И новенькая заведующая не может ничего по ней найти. Спрашивает, встречалось ли мне что-то подобное. Я беру заявку, переделываю XVI на XVIII, надписываю сверху: «Могилевская старина, выпуск первый», добавляю шифр — и книга находится!

«Могилевская старина» — отредактированный этнографом Евдокимом Романовым дайджест летописных документов, исторических статей, песен, сказок, пословиц, медицинских народных мудростей и детских забав, перепечатанных сто с лишним лет назад из «Могилевских губернских ведомостей».

— ...На меня, конечно, смотрят как на чудо. Память не позволяет мне подолгу копошиться в формулярах: пока входящий читатель притворяет за собой дверь, я успеваю набрать на компьютере номер его билета. Могу выдать читателю список источников по его теме, не пользуясь каталогом...

— Такая память вырабатывается в этой части Вселенной (я имею в виду белорусский отдел Библиотеки) или это природная данность?

— В восемь лет я заболел эпилепсией. Чтобы мне стать тем, кем я стал, мои родители решили устраивать домашние литературные вечера. Это были самодеятельные конкурсы художественного чтения для меня

Библиотека существует вечно и является творением самого Бога, и даже сам Бог есть книга, в которой есть все...

и моих одноклассников с присвоением призовых мест. В комнате стоял диван с шестью подушками: четыре – у стенки и по одной – в голове и в ногах. Из этих подушек на время проведения вечеров сооружался пьедестал: три подушки – первое место, две – второе, одна – третье. Были и медали: золотые, серебряные, бронзовые. Мы учили на память все, что можно было учить. И не дай бог кому то занять место ниже первого: реву было – не передать... Жюри состояло из родителей.

Отец Дмитрия Давидовского – Николай Афанасьевич Давидовский – преподавал высшую математику в Белорусском институте механизации сельского хозяйства, теперешнем аграрном университете. По его пути пошла сестра – она сильнейший программист, работает во Франции. А мама – Ирина Антоновна Голубович – врач, хирург-онколог. Прошла всю войну старшей операционной сестрой, а потом много сделала для легочной онкохирургии.

ВСЕЛЕННАЯ И ОБИТАТЕЛИ

– Если человек серьезно занимается исследованием, то с нашими фондами в десять миллионов единиц хранения у него есть повод отсюда не выходить. Белорусское языкознание, литература, история, этнография, фольклор – вот киты, на которых держится наш фонд, и стержни, вокруг которых он комплектуется и пополняется, – с давнего времени и по сей день. Имена наших постоянных читателей всем известны: Микола Ермолович, Виталь Скалабан, Иван Науменко, Рыгор Бородулин, Владимир Орлов, Леонид Лыч, Владимир Михнюк... Сергей Панизник иногда приходит. Зенон Позняк, имея родственников в деревне, частенько, помню, угощал нас салом... Доходило до того, что в нашем зале принимались экзамены. Может, случайно так складывалось, а может, и нет. Возьмем, к примеру, Михнюка, еще во времена «Ленинки». Напротив «Ленинки», как известно, здание исторического факультета БГУ. И весь факультет, от преподавателей до студентов, днями «пропадает» в нашем зале, трудясь кто над курсовыми и дипломными, кто над диссертациями и статьями. И зачем

куда-то ходить, когда вот он – преподаватель, а вот он – студент. Есть ли разница, в каких стенах предъявлять друг другу экзаменационные билеты и зачетки?

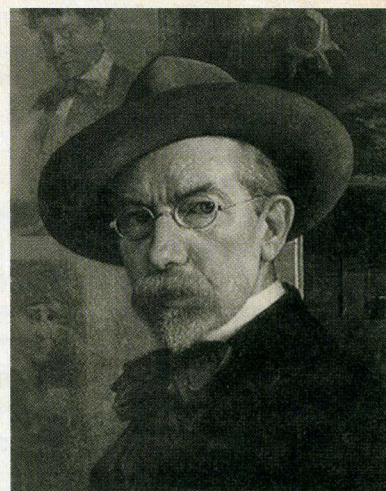
С филфаком, кстати, то же самое. Для них здесь и «Родные слова», и «Беларуская мова і літаратура», и «Маладосць», и «Польмя», и «Неман»... «Молодняк», «Асвета», «Камуністычнае выхаванне»... И интереснейший журнал «Наш край», в котором что ни автор статьи, то легенда. Хотя Бородулин мог иначе называть этих легенд.

– Как-то пришел и говорит: «В журнале «Беларусь» за 1959 год найди мне фотографию трех охламонов». Нахожу. И кто, вы думаете, попал под такое определение? Буравкин, Гилевич и сам Бородулин. Что ни имя – то эпоха, явление в литературе. В бывшем здании в нашем зале любил работать Микола Ермолович. С его-то зрением. Очки с вогнутыми линзами, вдобавок мощнейшее увеличительное стекло – и одним глазом на расстоянии «в упор»: только так он и мог что-то видеть. И потом издать то, что было им издано, – уму непостижимо! Величайший подвиг, достойный памятника. Каждое утро этот человек приезжал в Минск из Молодечно на электричке, шел в библиотеку и работал до самого вечера. Сколько же он перечитал! И дореволюционный фонд, и все, что выходило на польском языке, и, пожалуй, литовский язык тоже знал, потому что заказы оформлялись и на литовскоязычные источники.

Свой труд о нашей истории Микола Ермолович, как известно, опубликовал в журнале «Маладосць». А сфера особого интереса самого Дмитрия Давидовского – судьбы литератора Владимира Дубовки и художника Юдея Пена.

НАЧИНАЕШЬ КОПАТЬ – И НАХОДИШЬ

– ...А потом мы подружились с семьей адвоката Ефима Семеновича Лопушина, которого моя мать оперировала по поводу рака. Пришли к нему на день рождения, а там Рыгор Иванович Бородулин с женой Валентиной Михайловной. Познакомились – и родилась благодаря этому моя заинтересованность судьбой Владимира Дубовки. За этим последовало знакомство с дочерью Адама Бабареко – Алесей Адамовной, которая после смерти своей матери Анны Ивановны, вдовы Адама Бабареко, бережно хранившей наследие мужа, достойно продолжала ее дело. У Алеси Адамовны хранились письма Владимира Дубовки до передачи их вместе с другими документами в Белорусский государственный музей-архив литературы и искусства. С ней у нас возник спор по поводу фрагмента перевода поэмы Байрона «Шыллёнскі вязень». Владимир Дубовка сам передал его в редакцию журнала «Польмя». Адам Бабареко переписал этот перевод в камере «американки» на Володарского, 2 и переправил на волю с грязной одеждой.

Судьбы литератора Владимира Дубовки и художника Юдея Пена – сфера особого интереса Библиотекаря. Портрет Дубовки с дарственной надписью Адаму Бабареко, 1925 год, и автопортрет Юдея Пена, 1922 год

Полный текст перевода этой поэмы содержит 47-строчную вставку, которая начинается со слов «Заўжды турмой была турма, ад катаў літасьці няма». Следователи, которые вели дело Дубовки, сочли эти строчки адресованными себе, то есть не Байроном написанные, а самим Дубовкой. В журнале «Польмия» в 1961 году был напечатан другой вариант – с 27-строчной вставкой, переданный Адамом Бабареко.

– ...Но я-то ведь первый вариант держал в руках.

Владимир Михнюк показал мне уголовное дело Дубовки незадолго до этого спора. 47-строчная вставка откопирована техникой того времени, а где-то в середине этой вставки стоит непонятный значок – нечто среднее между волнистой линией и птичкой. Будто неприметно помечено самое опасное место. Такие документы, когда держишь их в руках, вызывают необычные чувства...

Владимиром Дубовкой Дмитрий Давидовский заинтересовался не только как литератором, но и как человеком, личностью. Что только ни делали с этим человеком на следствиях, он ничего никому не сказал: ни о коллегах-писателях, ни о себе. Его так называемые показания – не больше чем обзоры собственных произведений. Дубовка учился в Москве, в Высшем литературно-художественном институте, который был создан по инициативе Валерия Брюсова в 1921-м и получил его имя в 1924-м.

– ...И как я на почве его творчества подружился с Бородулиным, так он сам на почве творчества Янки Купалы и Якуба Коласа подружился с Валерием Яковлевичем Брюсовым, который переводил произведения наших поэтов на русский язык.

Брюсов – тоже невероятная личность. То, как человека уважали и любили при жизни, красноречивее всего демонстрируют его похороны. Гроб с телом Брюсова от центра Москвы до Новодевичьего кладбища студенты несли на руках.

– ...Вот так что-то начинаешь копать – и находишь. Из Российского Государственного архива литературы

Сотрудники зала белорусской литературы Национальной библиотеки Беларуси. Дмитрий Давидовский в указании места на снимке, как видим, не нуждается.

и искусства в Москве мне прислали персональное дело студента Дубовки – с оценками и перечислением предметов, которые он изучал сверх программы. Из него видно, что «налегал» Владимир Николаевич на иностранные языки, поэтому и занимался переводами напрямую, с оригиналов.

Его перевод сонетов Шекспира – образец поистине высокого стиля. Не калька, а именно живой перевод. Остается пока неизвестной судьба части перевода поэмы Байрона «Паломничество Чайльд-Гарольда».

– Нигде в воспоминаниях Дубовки не проходит, что это у него кто-то отнимал. В письмах к жене Адама Бабареко он еще в 1935-м писал, что заканчивает работу над этим переводом. Потом в воспоминаниях пишет, что когда в 1937-м находился в ГУЛАГе, кто-то якобы взял у него этот перевод с целью перепрятать. С той поры о нем ничего неизвестно.

КТО ЗНАЕТ НАШУ ИСТОРИЮ, ТОТ ОСОБЕННЫЙ ЧЕЛОВЕК

– Помню, пришел к нам Виталь Скалабан с номерами журнала «Польмия», взятыми в архиве. А у нас в зале такие же на полках стоят. Те же номера – и совершенно другие тексты. А что происходило? Наберут тираж с одними авторами, но за то время, пока номер сдается, поступает распоряжение всех этих авторов уничтожить. И в срочном порядке тот же номер выпустить заново с совершенно другим содержанием. Такие моменты раскрывались перед нами, сотрудниками библиотеки, благодаря читателям...

Дмитрий Давидовский поворачивается к монитору и продолжает говорить, ссылаясь на открытый документ. Страшнейший, как он сам его называет.

– Оперативный приказ Народного комиссариата внутренних дел СССР № 00447 от 30 июля 1937 года «Об операции по репрессированию бывших кулаков, уголовников и других антисоветских элементов». С него начался так называемый великий террор, когда в четырех-

месячный срок следовало арестовать и далее, в зависимости от категории «репресслируемых элементов», либо расстрелять по решению «тройки», либо направить в лагеря совершенно конкретное число граждан, расписанное в цифрах на каждую республику.

– Будто план доведен был...

«Приговоры приводятся в исполнение лицами по указаниям председателей троек, т. е. наркомов республиканских НКВД, начальников управлений или областных отделов НКВД».

«Приговоры по первой категории приводятся в исполнение в местах и порядком по указанию наркомов внутренних дел, начальников управления и областных отделов НКВД с обязательным полным сохранением в тайне времени и места приведения приговора в исполнение».

«О ходе и результатах операции доносить пятидневными сводками к 1, 5, 10, 15, 20 и 25 числу каждого месяца телеграфом и подробно почтой».

– На территориях разных республик сроки вступления этого документа в силу были разными. Для Беларуси – 12 августа. И с 15 до 31 августа 1937 года были расстреляны 2 тысячи человек и 10 тысяч приговорены к лишению свободы на срок до 10 лет. Надо отдать должное ФСБ России: они не побоялись оцифровать этот документ и разместить его в интернете. Потому что понятно же, что ради баловства такими вещами интересоваться не будут. Здесь 19 страниц текста. И «тройки» тех, кто должен был судить, а по сути – «подмахивать» подписи, названы пофамильно... Кто знает

нашу историю, тот особенный человек. А знать ее надо не из учебников, которые в кабинетах ЦК утверждались.

**НІС МОРТУІ ВІВУНТ,
НІС МУТІС ЛОКУНТУР
«ЗДЕСЬ ЖИВУТ МЕРТВЫЕ,
ЗДЕСЬ ГОВОРЯТ НЕМЫЕ»**

– Оказавшись на целый день погруженным в атмосферу другого времени, как потом возвращаться «к себе»? Каково после выйти на гудящий проспект, заскочить в магазин, очутиться дома? Как вы адаптируетесь?

– Я просто иду, или что-то делаю, или с кем-то говорю, а в голове постоянно крутится нечто не из этой жизни и совсем не о ней. Мозг продолжает обрабатывать информацию, полученную там – в библиотеке, в архиве, а по сути – действительно в другом времени. Анализировать и думать, как эту информацию использовать дальше. Когда я заинтересовался убийством художника Юдея Пена, стал выискивать истину в документах – и спустя какое-то время у меня уже сложился определенный образ этой истории, я решил написать о ней статью. Страниц на пятнадцать – так я себе вначале постановил. Но сегодня на эту тему у меня уже триста страниц, а расследование не закончено. Но что самое интересное, люди, которые вроде не имели ко мне никакого отношения, вдруг буквально автоматически начинают включаться в мою жизнь и помогать мне в моем исследовательском интересе.

– Это все знаки – свидетельства того, что вы заняты тем, чем вам следовало заниматься.

– Может, и так. Над этим нет времени думать...

Литературно-художественный и общественно-политический журнал «Полымя», издающийся с 1922 года и до сего дня, стоит здесь на полках в полном комплекте, можно взять любой номер за любой год и посмотреть: кто печатался, когда и с какой темой. Разве это не потрясающе? Раньше, до перевода в фонд редкой книги, здесь хранился еще и альманах «Адраджэнне», вышедший только однажды, в 1922 году. В нем Дмитрий Давидовский нашел стихотворение

жены Сергея Хмары – поэта той «бунтарной тематики» и «лаптюжной стихии», которая «бурлила под крышами западнобелорусских хат», если говорить словами Василя Виры, такого же бунтаря и лаптюжника.

– ...А ведь долгое время считалось, что писать-то она писала, но никогда не печаталась. Я всерьез над ее творчеством не задумывался, но это к слову о том, что когда живешь по принципу «любопытство – не порок, а... (смеется) большое свинство», узнаешь порой невероятное, в большом количестве и самого разного свойства. С чьими-то знаниями это наверняка перекликается, но одновременно является новой волной, информационным расширением.

При этом, по словам Дмитрия Давидовского, его профессия уникальна тем, что учит идти вглубь. Библиотекарь должен уметь дать читателю информацию из того источника, в котором ее на первый взгляд нет.

– Мы, библиотекари, должны ее там видеть.

– Но как? Какие есть приемы достижения вершин в искусстве быть библиотекарем?

– Первый – хотя бы просматривать литературу. Это обязательное правило. Все отследить, конечно, невозможно, потому что потоки информации в библиотеке колоссальные, – но то, что попадает на глаза во всякий определенный промежуток времени, заметить непременно надо. Правило номер два: запоминать не только неоспоримые факты, но и откровенные глупости. В журнале «Смена» № 7 за 2014 год выдвинута версия о том, что Юдея Пена убил Марк Шагал. Чувь несусветнейшая, но только с одной стороны. Потому что, с другой стороны, это информация, которой читатель может воспользоваться. Третье, очень желательное правило: стараться самому быть человеком пишущим.

Потому что если библиотекарь не будет знать, как это – быть на месте своих посетителей, и не будет, как они, заниматься копанием, добыванием информации, – это не даст ему возможности найти книгу, содержащую все, и прочесть ее, и стать Богом. Ну, или Библиотекарем.

– ...Не имеет значения, какая у тебя тема и перекликается ли она с темами твоих посетителей. Иметь ее – эту тему – необходимо. И тогда ты не просто «ориентируешься» – ты начинаешь видеть между строчек, а не только строчки. Приобретая такой образ жизни, следует быть готовым к тому, что «соскочить» с него уже невозможно. Потому что...

Потому что здесь – судьба, а он – хранитель сокровищ, который видит то, что видят немногие. А книги – это не просто книги. Они не просто учат, они говорят. Яснее, чем кто-либо...

– Происходит ли с вами в этой «компании» что-нибудь странное? Мистическое?.. Находясь каждый день среди книг, которым много лет, которые помечены энергетически и самими авторами, и теми, кто их долгие годы читал, изучал, прикасался к ним с разными мыслями, – ощущаете ли вы нечто необъяснимое?.. Я хотела спросить, бывает ли вам страшно?

– Нет, никогда. Но присутствие, как вы говорите, «компаний» – ощущается... Если можешь читать в оригинале, зачем читать перевод? Если можешь читать книгу XIX века, зачем читать современную перепечатку? Здесь ты будто попадаешь в творческую лабораторию автора.

– Подсаживаешься к нему за письменный стол...

– В самом деле! Причем не он к тебе явился, а ты вместе с ним в его времени. Это очень многое меняет в человеке. Здесь в самом деле мертвые говорят с живыми. Мне искренне обидно за людей, которые лишают себя и таких «приключений», и этой «избранности».

***

– А существует ли книга, которая могла бы изменить мир?

– Нет такой книги, и слава богу. Потому что нельзя написать рецепт счастливой жизни или сделать человека таким, таким или таким – да хоть каким, но против его воли. Все, что уже написано или еще будет написано, – всего лишь впечатления от жизни...

...И то, ради чего стоит жить, – не осмысливается мозгом, но ощущается сердцем. Помните?

В таком случае добро пожаловать в Библиотеку! ♦